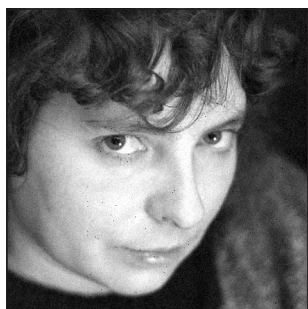

Social Epistemology: обзор дискуссий¹

Ю.С. МОРКИНА

Журнал «Социальная эпистемология» (Social Epistemology), основанный в 1987 г. Стивом Фуллером, стал своеобразным подиумом для демонстрации концепций, сформулированных в рамках этого направления. В статье мы рассматриваем некоторые проблемы, поднятые на страницах этого журнала за последние три года, и дискуссии относительно их решения. Становится ясным, что они представляют собой общефилософские вопросы, заслуживающие пристального рассмотрения и свежего взгляда нашего отечественного исследователя.

Ключевые слова: социальная эпистемология, наука, знание, мудрость, технология, «эпистемологический контрастивизм».

Тенденция анализировать познание в свете данных когнитивной социологии очень важна для комплексного изучения феномена познания, включая как научные, так и вненаучные его разновидности. Именно такой анализ является компетенцией социальной эпистемологии. Современную социальную эпистемологию, как правило, считают разделом неклассиче-

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ (проект № 10-06-00115-а).

ской философии, отмеченным скептическим отношением к таким категориям классической эпистемологии, как истина и рациональность. Тем не менее социальная эпистемология в целом сохраняет преемственность с классической теорией познания – Э. Голдман, к примеру, настаивает на эвристической ценности и неисчерпаемости понятия истины для социальной эпистемологии. В целом же социальную эпистемологию можно рассматривать как сферу конкуренции различных теоретико-познавательных концепций, по-разному реализующих культурные предпосылки классической и неклассической эпистемологии.

Как правило, отдельные выпуски (номера) *Social Epistemology* посвящены одной главной теме, вокруг которой разворачивается дискуссия, а также материалам прошедших конференций. Так, № 1 за 2007 г. – специальный выпуск, в котором приведены образцы анализа, представленные на симпозиуме «Наука, экономика и демократия», организованном в Мадриде в марте 2005 г.; № 2 за 2007 г. сделан по материалам Четвертой Международной конференции по изучению менеджмента, состоявшейся в июле 2005 г. в Кембриджском университете (Великобритания); выпуск № 3 за 2007 г. посвящен эпистемологии групп. Четвертый номер журнала за тот же год «напоминает о широте направления социальной эпистемологии»; здесь опубликованы статьи философов, историков и специалистов по здравоохранению. В этом номере представлены размышления над ключевыми вопросами социальной эпистемологии – как знание производится, распространяется, проблематизируется и трансформируется в социальном контексте. Следующий выпуск объединен темой «критической теории технологии» (*critical theory of technology*) и содержит статьи, авторы которых стремятся сделать вклад в эту теорию. Во введении в специальный выпуск «Социальной эпистемологии» по поводу «эпистемологического контрастивизма» (*epistemological contrastivism*) (№ 3 за 2008 г.) автор (Мартин Блау) представил обзор истории контрастивизма, описал три его главные версии и предложил обзор статей на эту тему. Это подборка полемических статей, в которых одни авторы защищают теорию контрастивизма², другие же аргументированно опровергают³. Номер четвертый за 2008 г. посвящен «медицине, основанной на доказательствах» (*Evidence-Based*

² См. напр.: *Schaffer J.* The Contrast-sensitivity of Knowledge Ascriptions // *Social Epistemology*. 2008. Vol. 22, No. 3. P. 235–245; *Sinnott-Armstrong W.* A Contrastivist Manifesto // *Social Epistemology*. 2008. Vol. 22, No. 3. P. 257–270; *Kvanvig J.* Contrastivism and Closure // *Social Epistemology*. 2008. Vol. 22, No. 3. P. 247–256.

³ См. напр.: *Woudenberg R.* The Knowledge Relation: Binary or Ternary? // *Social Epistemology*. Vol. 22, No. 3. P. 281–288; *Neta R.* Undermining the Case for Contrastivism // *Social Epistemology*. 2008. Vol. 22, No. 3. P. 289–304; *Pritchard D.* Contrastivism, Evidence, and Scepticism // *Social Epistemology*. 2008. Vol. 22, No. 3. P. 305–323.

Medicine» (EBM)⁴); его авторы исследуют, что такое ЕВМ, чем она должна быть и почему ее риторика стала доминирующей, а все остальное рассматривается как «противориторическая сила». Объединенный выпуск (№ 3 и 4 за 2009 г.) собран по мотивам симпозиума, проведенного в августе 2007 г., и касается «критерия широкого воздействия» (Broader Impacts Criterion (BIC)), применяемого к результативности научной деятельности⁵. Авторы номера обсуждают также этические проблемы применения BIC учеными.

Авторы вступительной статьи выпуска, посвященного науке, экономике и демократии (№ 1 за 2007 г.), говорят о нормативной стороне социальной эпистемологии и научной деятельности⁶. Тема нормативности проходит через весь выпуск. Социальная эпистемология становится все более осведомленной о своих нормативных основаниях, в частности организации научных сообществ. Учитывая, что эпистемический результат их деятельности – коллективное соглашение по поводу наборов суждений (пропозиций), необходимо исследовать справедливость процедур, приводящих к такому соглашению, и существование других нормативных критериев, которые определяют эти процедуры или помогают в их критической оценке. Социальные эпистемологи пытаются прояснить нормы, отражающие наши ожидания того, что должны собой представлять научные дебаты. Пока же, отмечают они, такие ожидания рассматриваются как данность: когда Хелен Лонджино или Филипп Китчер строят свои модели научной деятельности в рамках социальной эпистемологии, они представляют собственные интуиции как уже распространенные среди коллег, ученых и публики вообще. Но чтобы «сделать эпистемологию более социальной», не следует относиться к таким ожиданиям как к само собой разумеющимся – бытующие нормативные интуиции о науке в настоящее время существенно пересматриваются. В связи с этим авторы журнала задаются такими вопросами, как: могут ли социальная эпистемология и политическая философия адекватно ответить на нормативные вопросы, связанные с регулированием

⁴ Evidence-based medicine — «медицина, основанная на доказательствах», «доказательная медицина» – подход к медицинской практике, при котором решения о применении профилактических, диагностических и лечебных мероприятий принимаются исходя из имеющихся доказательств их эффективности и безопасности, а такие доказательства подвергаются поиску, сравнению, обобщению. Основы evidence-based medicine были разработаны в начале 1990-х гг. в университете Мак-Мастера (Канада).

⁵ В 1997 г. Национальным научным фондом (США) выдвинуто два главных критерия оценки качества научных исследований (merit review criteria): «интеллектуальное достоинство» (intellectual merit) и «широкое воздействие» (broader impacts). Критерий «широкого воздействия» идентифицирует важные результаты и последствия поддержанного национальным Фондом науки исследования.

⁶ См.: *Serrano D.T., Bonilla J.Z.* Editors' Introduction: Science, Normativity and the Public // *Social Epistemology*. 2007. Vol. 21, No. 1. P. 1.

ем научной деятельности? Должны ли мы занять более скромные нормативные позиции относительно текущего регулирования науки, имея в виду собственно научные проблемы, а не общее законодательство по поводу научных исследований? Разделяет ли публика эти нормативные запросы?

По мнению авторов, для социальной эпистемологии «есть работа по «постановке наших нормативных интуиций о науке на более твердое основание»⁷. Отмечается, что поиск источников такой нормативности все еще представляет эпистемологическую и общепило-софскую проблему. Часто интуиции здравого смысла о том, какой должна быть наука, терпят крах. Ученые, соблазненные финансовой или профессиональной наградой, ведут себя подобно прочим людям, отнюдь не всегда руководствуясь эпистемическими ценностями. Поэтому эпистемологу необходимо пересмотреть расхожие представления о том, как следует регулировать научную деятельность. Журнал предлагает различные стратегии решения этой задачи.

В статье «Наука как общественная сфера?» Дж. Вега и Ф. Хавьер Гил утверждают, что институциональная организация науки проявляет некоторые нормативные черты, которые лучше всего оцениваются в свете идей Ю. Хабермаса относительно общественной сферы: институциональной автономии, общественных благ, эпистемического достоинства, организующих научную деятельность. Они обсуждают научные результаты как независимые от этой нормативной структуры, но считают ее основой для институциональной совместимости науки и демократии. В двух статьях Дж. Биддла и Я. Вестергорда утверждается, что существующие нормативные стандарты, регулирующие научные учреждения, могут не справиться с давлением рынка. Если мы хотим, чтобы любой нормативный стандарт науки был эффективным, рассуждает Биддл, мы должны сосредоточиться на его конкретном выполнении в специфическом установленном проекте, а не на его априорном оправдании.

Темой отдельного выпуска (№ 2 за 2007 г.) становится понятие мудрости (wisdom) в менеджменте и организационной работе. Авторы отмечают, что в то время как мудрость нередко упоминается в исследованиях и практике менеджмента, она явно не включена в его концептуальные структуры⁸. В обыденном мышлении понятие мудрости имеет позитивные смысловые коннотации. Большинство людей исходят из обыденного понимания того, чем является мудрость, и могут отличить ее, например, от хитрости и коварства. Но что такое мудрость в контексте менеджмента и организационных практик?

⁷ Serrano D.T., Bonilla J.Z. Op. cit. P. 3.

⁸ См.: McKenna B., Rooney D., Bos R. Wisdom as the Old Dog... With New Tricks // Social Epistemology. 2007. Vol. 21, No. 2. P. 83.

Авторы полагают, что мудрость должна стать идеалом организационной практики, но пока что практика далека от этого идеала⁹. Они сформулировали четыре причины, по которым необходима осторожность в использовании понятия мудрости как основного требования практики. Во-первых, необходимо избегать такого превознесения мудрости, в свете которой суждения «здравого смысла» низводятся до глупых или худших. Во-вторых, следует иметь в виду, что мудрость нередко ассоциируется с тем, чем люди хотят ее видеть, поэтому это понятие может ассимилировать ложные ценности. В-третьих, идеал мудрости не имеет цифрового аналога, ее невозможно измерить и она не линейна. Она сложна и непостоянна. Она проблемно-ориентирована и «различна в различных областях ее применения». Наконец, мудрость «неравномерна»; существуют степени мудрости, она также зависит от опыта и знания. Люди могут действовать более или менее мудро в различных областях деятельности из-за различий в опыте, знаниях и способностях: мудрый менеджер может и не быть мудрым родителем. Другими словами, отмечают авторы, в надежде, что мудрость станет органической частью организационного дискурса, таится опасность неадекватного употребления этого понятия. Именно поэтому в специальном выпуске журнала авторы выступают против того, чтобы понятие мудрости стало идеалом применения знания к специфическим областям жизни, в том числе и повседневной. П. Кейс и Дж. Дж. Гослинг в своей статье философски анализируют понятие мудрости. Они не только рассматривают отношения между восточной и западной перспективой и этическими диспозициями, но обеспечивают основание для радикальной переинтерпретации этого понятия.

Другой специальный выпуск затрагивает проблему группового познания: могут ли группы быть «познающими субъектами»? (№ 3 за 2007 г.). Можно ли корректно говорить о групповом знании и эпистемических особенностях группы? Приняв во внимание, что наши жизни эпистемически все более зависят от сложных социальных систем исследования и распространения знания, эпистемическое исследование социальных групп не только возможно, но и необходимо. Мы можем использовать инструменты эпистемологии, чтобы понять природу коллективного знания и эпистемических особенностей группы. Предпосылкой исследования становится представление о том, что знание – это *обоснованное истинное убеждение*, а познающий субъект – отдельный индивид. Одни теоретики познания так или иначе признавали влияние социальных факторов, определяющих, что и как индивид знает. При этом обычно имелись в виду культурно подтвержденные убеждения или суждения здравого смысла

⁹ См.: McKenna B., Rooney D., Bos R. Op. cit. P. 84.

ла и не учитывались такие традиционные характеристики знания, как обоснованность и истинность. Другие характеризовали знание в терминах его открытий, запечатленных в книгах и других культурных объектах, при этом игнорируя критерий «убежденности». Значительно реже возникал вопрос о том, могут ли социальные группы непосредственно быть познающими субъектами, подобными традиционно понятому субъекту, и обладать *обоснованными истинными убеждениями*. У истоков этой проблемы находятся исследователи, занимающиеся коллективной интенциональностью, коллективными убеждениями, рациональностью группы и социальным распределением знания. Авторы полагают, что их результаты обеспечивают эпистемологов ценными аналитическими инструментами, пригодными для оценки релевантности традиционной концепции знания, если в качестве познающих субъектов выступают корпорации, коллективы и другие социальные группы. Цель этого специального выпуска – продвижение философского исследования «коллективного познания».

Авторы разрабатывают такие темы современной эпистемологии, как эпистемические достоинства, эпистемическая ответственность, доказательство, эпистемическая ценность. Они сосредоточиваются на проблемах, связанных с понятием группового убеждения и группового принятия утверждений. Они обращаются к проблемам эпистемической достоверности и тех особенностей социальных групп, которые делают групповые утверждения эпистемически заслуживающими доверия. В свете такого исследования группы ученых предстают в качестве «эпистемических агентов».

Автор предисловия к выпуску (Э. Голдман¹⁰) утверждает, что все помещенные здесь статьи не выходят за рамки «классического» подхода к социальной эпистемологии, тематика всех статей связана с вопросами истины, эпистемической рациональности и обоснования (justification)¹¹. Согласно первоначальной формулировке Голдмана, «социальная эпистемология должна идентифицировать и оценить социальные процессы, посредством которых эпистемические субъекты взаимодействуют с другими агентами, влияющими на их убеждения»¹². В соответствии с этой характеристикой, представленной в ранних работах Голдмана, эпистемическими субъектами являются

¹⁰ Элвин Голдман – представитель нормативистского направления в социальной эпистемологии. По собственной классификации (статья в Стэнфордской философской энциклопедии) Голдман представляет классический подход в социальной эпистемологии, а именно тот, в котором ставится акцент на традиционной эпистемической цели получения истинных убеждений (См.: <http://plato.stanford.edu/entries/epistemology-social/>).

¹¹ См.: Mathiesen K. Introduction to Special Issue of Social Epistemology on «Collective Knowledge and Collective Knowers» // Social Epistemology. 2007. Vol. 21, No. 3. 2007. P. 210.

¹² Ibid.

лишь индивиды, а социальный аспект познания заключается в воздействии, которое другие люди оказывают на убеждения индивида. Однако в более поздних работах Голдман включает то, что можно было бы назвать «эпистемологией группы», в свою характеристику социальной эпистемологии. При этом он оставляет открытым вопрос, является ли знание группы законной областью исследования социального эпистемолога. Голдман ставит вопрос: «Должна ли социальная эпистемология сосредотачиваться – в целом или частично – на групповом знании?»¹³ И отвечает: «Очевидно, это зависит от того, могут ли группы или коллективы легитимно предъявить эпистемические состояния, подобные знанию или обоснованному убеждению»¹⁴. Поэтому большая часть работ по эпистемологии группы сфокусирована на решении вопроса о том, могут ли группы быть легитимными предъявителями знания.

Решение вопроса о том, могут ли группы быть познающими субъектами, по мнению авторов, зависит от того, могут ли группы иметь эпистемические цели. Но чтобы группы предстали в качестве эпистемических субъектов – носителей знания, им недостаточно приписать эпистемические цели – они должны быть в состоянии преследовать эти цели соответствующим образом. К. Стейли, например, утверждает, что мы должны спросить, «ограничены ли утверждения группы ее собственными суждениями, основанными на соответствующих свидетельствах, и функционирует ли группа так, чтобы производить непредубежденные коллективные оценки этих свидетельств?» Множество авторов статей в этом номере сосредотачиваются на этих вопросах.

Итак, составляют ли представления группы знание, в значительной степени зависит от цели группы и ее эпистемических методов. Таким образом, можно было бы ожидать, что наиболее вероятные кандидаты в носители группового знания – те группы, цели которых являются преимущественно эпистемическими и чьи методы ориентированы на истину, очевидность и рациональность. Группы ученых, работающих совместно над коллективными проектами, являются парадигмальными образцами «эпистемических групп». Традиционная индивидуалистическая эпистемология не адекватна описанию производства научного знания в больших научно-исследовательских коллективах. «Эпистемология групп» порождает множество вопросов: отличается ли групповое обоснование от индивидуального? Какие виды групповых структур продвигают производство знания? Какова роль систем коммуникации и хранения информации в больших эпистемических группах? Как можно оценить групповое свидетельство?

¹³ Mathiesen K. Op. cit. P. 210.

¹⁴ Ibid. P. 211.

Как объяснить эпистемическую целесообразность приписывания знания группам наравне с индивидами? Как индивидуальные когнитивные способности субъектов делают возможным их участие в эпистемических группах?

Авторы статей следующего специального выпуска журнала (№ 1 за 2008 г.) стремятся развивать «критические подходы к технологиям» на основе традиций интеллектуальной критики. В то же время они отклоняются от этой традиции в трех отношениях. Во-первых, они пытаются объединить соответствующую теоретическую и нормативную перспективу с конкретными социотехническими опытами и методами. Во-вторых, они стремятся дать не просто анализ технологии «как таковой», но критически исследовать частные аспекты специфических типов технологии. Наконец, они намереваются не просто критиковать существующие технологии, но предложить концептуальные наработки и методы исследования альтернативных технологий. Чтобы оттенить контраст с традиционными концепциями технологии, авторы ссылаются на «критические подходы к технологии». Этот выпуск строится как полемика вокруг статьи Эндрю Финберга «От критической теории технологии к рациональному критическому анализу рациональности»¹⁵. Автор не только дает краткое изложение своей инструментальной теории технологии в соответствии с традицией критической теории, но и включает свою концепцию в более широкую теорию социальной рациональности. Другие авторы этого выпуска так или иначе основываются на этой работе. Некоторые непосредственно применяют основные идеи его теории относительно первичной и вторичной инструментализации; другие обсуждают отдельные аспекты его работы в контексте своих собственных представлений о том, как развивать критические подходы к технологии. Отправной точкой этого проекта стал симпозиум в Амстердамском свободном университете (Vrije Universiteit Amsterdam) в июне 2005 г., озаглавленный «Критические подходы к технологии: прошлое, настоящее и будущее».

Заслуживает интереса и выпуск, посвященный направлению эпистемологического контрастивизма (epistemological contrastivism) в теории познания (№ 3 за 2008 г.). Что это за направление? О знании можно мыслить как об отношении (отношении знания). Многие работы в эпистемологии ориентированы на объяснение природы познавательного отношения и природы *relata*¹⁶, которые составляют познавательное отношение. Последнее – это вопрос о численности *relata*. Традиционно полагали, что отношение знания состоит из двух *relata*: *s*

¹⁵ Feenberg A. From Critical Theory of Technology to the Rational Critique of Rationality // Social Epistemology. 2008. Vol. 22, No. 1. P. 5–28.

¹⁶ Relata – объекты, связанные отношениями (от лат. *relatio* – отношения).

знает данное p . Эпистемологические контрастивисты, однако, утверждают что $relata$ отношения знания – три: s знает, что p , а не Q , где Q – набор контрастных суждений. Контрастивизм в эпистемологии, по мнению Мартина Блау¹⁷, восходит к теории релевантных альтернатив (the relevant alternatives theory) Фреда Дретске. Блау считает, что контрастивизм предполагает сохранить ключевые достоинства теории релевантных альтернатив, но избежать ее основных недостатков. Дретске утверждает, что знание – не абсолютно, ему присущ *относительно абсолютный* характер. С одной стороны, знание абсолютно в том смысле, что не допускает степеней: вы либо знаете нечто, либо нет. С другой стороны, знание имеет и относительный аспект: оно чувствительно к перемене интересов, влияющих на его повседневное применение. Так что знание абсолютно, но в то же время чувствительно к контекстуальным факторам корректного применения слова «знает». Дретске: «Такие понятия, можно сказать, относительно абсолютны; абсолютны, да, но еще и относительны к определенному стандарту. Мы могли бы проиллюстрировать это таким образом: быть пустым означает быть лишенным всех релевантных вещей; это утверждение обнаруживает одновременно абсолютный (в слове “всех”) и релятивный (в слове “релевантных”) характер этого понятия (понятия пустоты. – Ю.М.)»¹⁸. Применительно к понятию знания «знать пропозицию» означает знать эту пропозицию как выделенную из набора альтернативных, которые субъект может элиминировать.

Теория релевантных альтернатив знания подвергалась критике по нескольким основаниям. Одна из главных проблем состоит в трудности определения того, что означает «элиминировать» суждение (пропозицию). Другая, еще более серьезная проблема состоит в том, что теория релевантных альтернатив фактически отрицает интуитивный характер понимания. В соответствии с ним, если s знает p , и если s знает, что p подразумевает q , тогда s также знает q . Теория релевантных альтернатив допускает, однако, что s может знать p и также знать, что p подразумевает q , не зная при этом q . А это проблематично.

Как же контрастивизм связан с теорией релевантных альтернатив? Обе теории утверждают, что понятие знания включает «контрастные» классы. Критическое различие между теориями заключается в том, что теория релевантных альтернатив не дает контрастному классу формального места в познавательном отношении, тогда как контрастивизм предоставляет контрастному классу такое место. Таким образом, согласно теории релевантных альтернатив, отношение зна-

¹⁷ См.: Blaauw M. Contrastivism in Epistemology // Social Epistemology. 2008. Vol. 22, No. 3. P. 228.

¹⁸ Dretske F. Perception, Knowledge, and Belief. Cambridge, 2000. P. 52.

ния возникает между s и p ; тогда как, согласно контрастивизму, отношение знания возникает между s , p , и Q .

Один из авторов выпуска, Дж. Шаффер, в своей статье использует лингвистические данные, аргументируя в пользу контрастивизма. Согласно Шафферу, мы используем предложения подобные « s знает что p », чтобы удостовериться, что субъект способен ответить на вопрос относительно p . И, учитывая, что способность отвечать на вопрос – сравнительная (contrastive) способность (каждый всегда знает ответ на вопрос относительно фона альтернативных ответов), знание само непосредственно имеет сравнительную (contrastive) природу. Взгляд Шаффера относительно использования слова «знает» делает контрастивизм релевантным для социальной эпистемологии в общем, а также для анализа таких тем, как доказательство и экспертиза, в частности. Помимо версии контрастивизма, защищаемой Дж. Шаффером, есть другие версии этого направления. Одну из них представляет В. Синнот-Армстронг. Для него центральной является идея, что размышления «контрастивны»: в них одни вещи предпочитают другим. Синнот-Армстронг утверждает, что контрастивизм – движение не только эпистемологии, но философии вообще. Однако он сосредоточивается на эпистемологическом контрастивизме, в частности контрастивизме относительно обоснования.

Каждый номер журнала завершается пожеланием успехов в дальнейших научных изысканиях на тему, которой он посвящен. При этом авторы стремятся не охватить заявленную проблему целиком, но привлечь к ней внимание философов и общественности. Некоторые проблемы, поднятые на страницах Social Epistemology, практически отсутствуют в отечественных дискуссиях. Но это не означает, что это «специфически англоязычные» проблемы. Напротив, это общеполитические вопросы, заслуживающие пристального рассмотрения и, может быть, свежего взгляда нашего отечественного исследователя.